

Мы все работаем у одного Хозяина

Н.В. Гоголь в Московской Духовной Академии

В течение своей жизни Гоголь бывал во многих известных русских монастырях, в том числе не раз и в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Но Духовную Академию он посетил, по-видимому, однажды. До последнего времени мы не могли назвать никого, кроме архимандрита Феодора (Бухарева), с кем бы был знаком Гоголь в Московских Духовных школах. Ныне стало известно о его встрече с двумя выпускниками Академии — Михаилом Антоновичем Германовым, будущим кафедральным протоиереем в Томске, и Василием Петровичем Нечаевым, впоследствии настоятелем московского храма Святителя Николая в Толмачах, а потом епископом Костромским и Галичским Виссарионом (владыка известен как духовный писатель и один из основателей журнала "Душеполезное Чтение").

Василий Нечаев в 1844 году окончил Тульскую Духовную семинарию и как один из лучших воспитанников был направлен для получения высшего богословского образования в Московскую Духовную Академию, которую окончил в 1848 году также в числе лучших студентов. Его магистерское сочинение — "Святой Димитрий, митрополит Ростовский" — было написано на тему, предложенную профессором, а затем ректором Московской Духовной Академии протоиереем Александром Васильевичем Горским, и опубликовано отдельной книгой в Москве в 1849 году. 20 ноября 1848 года Горский обратился к историку Михаилу Петровичу Погодину, у которого было известное собрание русских древностей, с письмом, рекомендуя ему двух студентов, только что окончивших Академию — Нечаева и Германова (также окончившего курс со степенью магистра и направленного в Воронежскую Духовную семинарию). "Один из них (Нечаев. — В.В.), — писал Горский, — имеет до вас особенную нужду; другой желает воспользоваться кратким временем пребывания в Москве, чтобы вместе с товарищем познакомиться с вашим богатым музеем. Оба посвятили свои последние труды в Академии русской церковной истории. Оба из лучших наших воспитанников, ныне окончивших курс, и оба, как еще школьники, не смелы. Имеющий до вас покорнейшую просьбу г. Нечаев занимался в последнее время обзорением жизни и трудов святителя Димитрия Ростовского. Сочинение его приготовлено к печати. Между тем, мы узнали, что ме-

жду бумагами, переданными вам И.М. Снегиревым¹, есть перечень слов святителя, находящийся между рукописями Новгородской Софийской библиотеки и не изданный в свет. (Об этом сказывал мне сам Иван Михайлович.) Сделайте милость, позвольте нам списать этот перечень..."²

Погодин, хорошо знавший профессора Горского, исполнил его просьбу и принял молодых людей 22 ноября того же 1848 года. В дневнике Погодина за этот день помечено: "Студенты из семинарии. О семинарии. Показывал Гоголю"³. О встрече с Гоголем рассказывает и сам Нечаев в письме к Горскому от того же 22 ноября: "Высокоуважаемый мой наставник Александр Васильевич! Благодаря вашему письму был я с Михаилом Антоновичем (Германовым. — В.В.) у М.П. Погодина. Он был так снисходителен, что показал нам все свои археологические и исторические редкости с объяснениями и замечаниями, в числе редкостей показал нам также Н.В. Гоголя, который промолвил при нас пару слов и в ту же минуту скрылся в свой кабинет писать свои "Мертвые души"⁴.

Осенью 1851 года, после возвращения из Оптиной Пустыни, на Покров, Гоголь решает ехать в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы помолиться в день именин своей матери. 30 сентября он заходил к Степану Петровичу Шевыреву, профессору Московского университета, но не застав его дома, оставил ему записку: "Я еду к Троице с тем, чтобы там помолиться о здоровье моей матушки, которая завтра именинница".

В тот же день Гоголь приезжает в Абрамцево, где его появление, никем не ожидаемое, всех изумило и обрадовало. На следующий день он едет к обедне в Троице-Сергиеву Лавру, находящуюся в тринадцати верстах.

¹ Иван Михайлович Снегирев — известный собиратель и знаток церковных древностей.

² Корсунский И.Н. Преосвященный Виссарион, епископ Костромской. По случаю 50-летнего юбилея церковно-общественной его деятельности. М., 1898. С. 6.

³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1895. Кн. 9. С. 476.

⁴ Корсунский И.Н. Преосвященный Виссарион, епископ Костромской. С. 7.

Там он вместе с отцом Феодором (Бухаревым), с которым познакомился еще в 1848 году, посетил студентов Московской Духовной Академии. В предисловии к своей книге, вышедшей в 1860 году, архимандрит Феодор так рассказывает об этом: "Студенты приняли его с восторгом. И когда при этом высказано было Гоголю, что особенно живое сочувствие возбуждает он к себе тою благородною открытостью, с которой он держится в своем деле Христа и Его истины, то покойный заметил на это просто: "Что ж? Мы все работаем у одного Хозяина"⁵.

Об этой встрече также рассказывает Василий Крестовоздвиженский, бывший тогда студентом Академии. Его воспоминания были опубликованы в 1860 году в газете "Московские Ведомости". Впоследствии фрагменты из них не раз перепечатывались

с искажениями и неточностями. Приведем это важное свидетельство с возможно большей полнотой: "Не знаем, как теперь, — пишет В. Крестовоздвиженский, — но в пятидесятых годах (1848–1852 гг.) студенты Московской Духовной Академии с особенною любовью читали и перечитывали сочинения Гоголя; многие выдержки из его повестей, особенно из "Мертвых Душ", учили наизусть; а "Ревизора" и "Женитьбу" несколько раз даже играли в своих комнатах, хотя без всякой почти сценической обстановки, но зато без помощи суфлера. Словом, произведения Гоголя были в то время постоянным предметом суждений и занятий воспитанников. При таком настроении, при этом дружном увлечении Гоголем, весьма естественно в каждом из воспитанников проявлялось желание видеть Николая Васильевича лицом к лицу. Что если б он встретился где-нибудь? Что если бы вошел сюда? и так далее. Зная, что Николай Васильевич нередко бывает в Лавре, студенты, в встречавшихся лицах, напоминающих какими-нибудь чертами

Нашим современникам открывается подлинный лик Гоголя как великого духовного писателя России.

Патриарх Алексий II

портрет Гоголя, воображали, что видят самый оригинал. Как бы то ни было, но счастье видеть Николая Васильевича казалось несбыточным, хотя Троицкая Лавра не слишком удалена от Москвы, куда уже возвратился Гоголь. Но судьба ли сжалилась над бедными студентами, или, как говорят, сердце сердцу весть подало, только настал и для студентов счастливый день, в который они увидели, наконец, желанного Гоголя. Это было 1-го октября 1851 года. В послеобеденное время, часа в четыре или пять, студенты пользовались по-своему свободным от учебных занятий временем: одни гуляли по саду; другие, оставшиеся в комнатах, или читали, или ходили и курили, или покоились на диванах и столах, положив под головы огромные фолианты. Один, помнится, играл на скрипке. Вошедший

в это время в комнаты старших студентов профессорский слуга, по физиономии и приемам лучший тип гоголевского Петрушки, объявил, что сейчас придет о. Феодор с *Голицыным*.

"Так что ж?" — спрашивают студенты. "Только-с! Так приказано сказать." И с этими словами он вышел из студенческих комнат, где в ожидании гостя порядок несколько не изменился. Через несколько минут показался в дверях почтенный наставник студентов в сопровождении псевдо-Голицына. Студенты встали. Некоторые, видя в незнакомом посетителе знакомые черты, заметили вполголоса: "Это Гоголь!" О. Феодор, подойдя к группе студентов, сказал: "Вы, господа, просили меня (полновесное спасибо тому товарищу, который передал почтенному наставнику единодушное желание студентов) представить вас Николаю Васильевичу Гоголю, — я исполняю ваше желание". Обращаясь потом к дорогому гостю, он прибавил: "Они любят вас и ваши произведения".

"Не берусь, да и мудрено слишком передать, — замечает далее мемуарист, — что чувствовали в это время воспитанники, смотрящие прямо в лицо Гоголю, которым

⁵ Феодор (Бухарев), архимандрит. Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1860. С. 5–6.

грезил каждый из них, как грезят пансионеры черными усами и эполетами. Очень естественно, что при такой неожиданности студенты не сказали ни слова. Молчал и Николай Васильевич. Он казался нам скучным и задумчивым. Это обоюдное молчание продолжалось несколько минут. Наконец, один из студентов, собравшись с мыслями, сказал за всех: "Нам очень приятно видеть вас, Николай Васильевич, мы любим и глубоко уважаем ваши произведения". Николай Васильевич, сколько можем припомнить, так отвечал приветствовавшим его духовным воспитанникам: "Благодарю вас, господа, за расположение ваше. Мы с вами делаем общее дело, имеем одну цель, служим одному Хозяину... У нас один Хозяин". Начав говорить несколько потупившись, Николай Васильевич произнес последние слова, устремив глаза к небу. Заметно в нем было какое-то смущение; он хотел сказать еще что-то, но как будто не нашелся и вслед за тем навсегда раскланялся со студентами, произнеся последнее "прощайте!" Только теперь очнулись воспитанники от тупого чувства, в которое повергла их неожиданность появления Николая Васильевича, и он вышел из дверей академических комнат при дружном, но отрывистом рукоплескании студентов".

Несмотря на краткость сказанных Гоголем слов, он все же выразил перед будущими пастырями очень важную мысль о том, что чувствует свою общность с ними в служении Христу.

О популярности Гоголя в стенах Московской Духовной Академии сохранилось еще одно свидетельство ее бывшего студента — протоиерея московской церкви Священномученика Ермолая на Козьем болоте отца Сергия Модестова. По его словам, многие выдержки и типичные выражения из "Мертвых душ" некоторые из студентов знали наизусть. "Помню, — рассказывает он, — наш товарищ из Тверской семинарии Владимир Николаевич Ретивцев, впоследствии монах и епископ Хрисанф,⁶ один из даровитейших, особенно любил декламировать эти выдержки. О Гоголе даже на классе Священного Писания читал лекции известный о. архимандрит Феодор Бухарев, причислявший Гоголя чуть ли не к пророкам-обличителям вроде пророка Иереми, плакавшим о пороках людских"⁷.

Близость взглядов своего профессора и Гоголя отмечали и казанские ученики архимандрита Феодора. Так, В.В. Лаврский, впоследствии протоиерей, написал в своем студенческом дневнике за 1856 год: "А замечательное сходство между идеями о. Феодора и идеями Гоголя; ныне мы читали его переписку с друзьями: при этом старшие студенты беспрестанно поражались удивительным сходством между идеями и даже выражением того и другого. Известно, что они были коротко знакомы; но кто из них у кого заимствовал этот дух и взгляд? — Невероятно было бы думать, что духовный от светского"⁸.

⁶ Преосвященный Хрисанф, епископ Астраханский, потом Нижегородский, — духовный писатель.

⁷ Из воспоминаний протоиерея С.С. Модестова. У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 121.

⁸ Лаврский В., протоиерей. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухареве)//Богословский Вестник. 1906. Т. 2. № 5. С. 118.

И тем не менее, совершенно очевидно, что в данном случае Гоголь повлиял на отца Феодора.

Судьба Александра Матвеевича Бухарева (в монашестве архимандрита Феодора) в некотором смысле представляет как бы перевернутый вариант судьбы Гоголя. Оба стремились внести христианские начала во все сферы человеческой жизни — личную, семейную, общественную. Но направление их в следовании по этому пути было противоположным. Отец Феодор впоследствии подал прошение о снятии с себя сана и выходе из монастыря (хотя был, по его словам, "монахом не фальшивым, а по совести"), оправдывая свой поступок тем, что собирався проповедовать христианство в миру, — он стал литературным критиком и церковным публицистом.⁹ Гоголь, напротив, тянулся к монашеству из мира, который вполне не мог его удовлетворить.

На обратном пути из Троице-Сергиевой Лавры Гоголь в коляске, присланной из Абрамцева, заехал в Хотьково в Покровский женский монастырь за Ольгой Семеновной Аксаковой, и сам заходил за ней к игуменье Магдалине. В монастыре, в храме Покрова, погребены родители преподобного Сергия, схимонах Кирилл и схимонахиня Мария, у гробницы которых читали несусаемую Псалтирь и служили панихиды. Отсюда Гоголь вместе с Ольгой Семеновной приехал в Абрамцево, отстоящее в трех верстах от монастыря. "За обедом Гоголь поразвеселился, — вспоминал Сергей Тимофеевич Аксаков, — а вечером был очень весел. Пелись малороссийские песни, и Гоголь сам пел очень забавно. Это было его последнее посещение Абрамцева и последнее свидание со мною".

3 октября Гоголь возвратился в Москву. На этот день была назначена свадьба его сестры Елизаветы Васильевны с саперным офицером Владимиром Ивановичем Быковым.

Вечером того же дня Гоголь пишет письмо матери и сестрам Анне и Елизавете: "Не удалось мне с вами повидаться, добрейшая матушка и мои милые сестры, нынешней осенью. Видно, уж так следует и угодно Богу, чтобы эту зиму я остался в Москве. <...> Бог, ижеждо хочет, побеждает естества чин. А потому верю, что если вы будете обо мне усердно молиться, то и здесь соберутся во мне силы и я буду здоров и годен для труда и работы". В приписке Гоголь сообщал: "В день ваших именин, матушка, молился я у мощей св. Сергия о вас и о всех нас. Здоровье ваше с новобрачными было пито мной за обедом у Аксаковых, которые все вас поздравляют". А сестру Ольгу, которая лечила крестьян в Васильевке, извещал в записке, что посылает ей десять рублей серебром на бедных и лекарства.

Больше Гоголь Москвы не покидал.

⁹ Под своим светским именем он напечатал несколько богословских и критико-публицистических статей, в том числе о романах "Отцы и дети" И.С. Тургенева, "Что делать?" Н.Г. Чернышевского, "Преступление и наказание" Ф.М. Достоевского (большинство работ вошло в сборник: О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. М., 1865). Отдельные сочинения его переизданы в книге: Русские духовные писатели. Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев). О духовных потребностях жизни. М., 1991.